

XII международная научная конференция «Правовая культура народов Кавказа как творческий синтез взаимодействия цивилизаций»

25 мая 2022 г. Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС, Бакинский государственный университет, редколлегия научно-практического журнала «Северо-Кавказский юридический вестник» провели XII международную научную конференцию **«Правовая культура народов Кавказа как творческий синтез взаимодействия цивилизаций» по научно-исследовательскому проекту «Правовой мир Кавказа».**

Во вступительном слове Д.Ю. Шапсугов автор и руководитель научно-исследовательского проекта «Правовой мир Кавказа», директор Центра правовых исследований ЮРИУ РАНХиГС, д.ю.н., проф., заслуженный юрист Российской Федерации поздравил участников с открытием конференции, подчеркнув при этом, что это уже XII конференция, проводимая в рамках действующего научно-исследовательского проекта «Правовой мир Кавказа», прокомментировал достигнутые результаты в процессе его разработки за последние 15 лет, предложив посмотреть специально подготовленную по этому случаю выставку научных трудов.

Д.Ю. Шапсугов, отметил, что продолжается подготовка к изданию новых томов «Антологии памятников права народов Кавказа (уже издан 33 том), на стадии завершения издание учебника «История государства и права народов Кавказа» (уже изданы две части учебника, подготовлено издание третьей части). В связи с тем, что объем

издания в данном формате оказался огромным (2200 стр.) – запланировано издание сокращенного учебника (не более 700 стр.). Выступающий обратился к участникам конференции с просьбой принять активное участие в рабочих совещаниях, проведение которых необходимо для выработки оптимальной структуры, общего объема и объемов разделов учебника, в которых будет представлена история публичной власти и права каждого народа Кавказа.

В своем докладе **«Об особенностях творческого синтеза правовой культуры народами Кавказа в процессе их взаимодействия с мировыми цивилизациями»** проф. **Д. Ю. Шапсугов** отметил, что, развитие Кавказской цивилизации одновременно является развитием правовой культуры создающих ее народов, свободных и ответственных личностей.

Широко известные достижения народов Кавказа в развитии материальной и духовной культуры были обеспечены адекватным развитием их правовой культуры. Далее докладчик привел конкретные факты – достижения кавказских народов в создании материальной духовно-нравственной культуры, позволяющие характеризовать ее, как это сделано в большом количестве научных и документальных источников как особенную биоцивилизацию, обеспечивающую согласованное развитие природного и социального мира.

Понятно, что все эти достижения стали возможными благодаря особенностям социальной организации, образу жизнедеятельности, гармонично и гомеостазисно вписывавшемуся в окружающий природный мир.

Далее проф. Д.Ю. Шапсуговым был дан анализ правовой культуры как понятия и практически существующего явления. Им были отмечены общие принципы многочисленных определений правовой культуры, подчеркнут их позитивистский характер и рассудочная форма, в которой они даются. Как отметил докладчик, в них чаще всего дается

Ю. О. Долгашова – нач. научно-организационного отдела ЮРИУ РАНХиГС; Д. Ю. Шапсугов – гл. редактор журнала «Северо-Кавказский юридический вестник»; Н. В. Брюханова – директор учебно-научного центра ЮРИУ РАНХиГС

перечень юридических понятий и явлений, который объявляется правовой культурой. В результате, процесс ее познания оказывается крайне упрощенным, поверхностным, не дающим понимание ее сущности. Из позитивистских определений права невозможно вывести определение сущности правовой культуры, хотя и можно породить множество ее рассудочных определений.

Выступающий отметил две гносеологические ошибки, допускаемые авторами таких определений. Первая восходит к «Тезисам о Фейербахе» К. Маркса, когда действительность, чувственность берется только в форме объекта, или в форме созерцания, а не как человеческая чувственная деятельность, практика, *не субъективно*, а только абстрактно, без учета действительной чувственности как таковой. Этим самым игнорируется проблема субъектности правовой культуры, без исследования которой становится невозможным познание ее сущности.

Вторую ошибку установил Б. Н. Чичерин в полемике с В. С. Соловьевым о соотношении права и нравственности, подчеркнувший недопустимость превращать Добро в субъекта исторического процесса, утверждение которого в жизни поручается государству. По аналогии можно сделать вывод о том, что и правовую культуру нет никаких оснований превращать в некий самостоятельный субъект исторического процесса. В правовой культуре воплощается истина о праве, выявленная в ходе его теоретического исследования, переходящая посредством человеческой деятельности в практическую жизнь людей. Простое регулирование отношений в обществе само по себе не является формированием права, под черкнул докладчик.

Поэтому правовая культура, в соответствии с этимологическим значением термина культура есть **возделывание, выращивание свободы**, выражающей сущность права, в котором, как говорил Гегель; человек должен находить свой разум.

Исходя из изложенного, выступающий сформулировал определение правовой культуры как деятельности людей, по воплощению в действительность идеи разумной свободы, через институты гармонично увязанных друг с другом разновидностей прав и свобод человека, правовых учреждений, обеспечивающих их реализацию в публичной сфере и индивидуальном поведении свободных и ответственных личностей.

Основываясь на этих теоретико-методологических предпосылках, докладчик перешел к характеристике правовой культуры народов Кавказа. Проанализировав условия ее становления, докладчик отметил, что широко известные достижения в рамках Кавказской цивилизации (в металлопроизводстве, металлообработке, сельском хозяйстве (лесо-сады, выведение новых пород животных, видов растений, террасное земледелие и т. п), медицине, венном деле, искусстве, общепризнанной форме одежды (черкеска) и т. д., были бы невозможны без развития правовой культуры, опосредующей эти достижения, представляя собой гуманитарное ядро Кавказской цивилизации.

Опираясь на обоснованные им этапы становления познания и развития правовой культуры: древняя – право коллективной свободы, когда оно воплощало в себе единство формирования, формулирования и осуществления права коллективным субъектом в соответствии с обычным правом народа, при подчиненном ему статусе индивида; затем право индивидуальной свободы, выраженное в естественно-правовых учениях, реализованное в эпоху буржуазных революций в Европе; и, наконец, право универсальной свободы, выраженное в принципе «свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех».

На этой основе докладчик сделал вывод о том, что правовая культура народов Кавказа по преимуществу выступала как выражение коллективной свободы с наметившимся переходом к индивидуальной и даже универсальной свободе, препятствием к чему послужили внешние военные вмешательства в их внутреннее развитие, переведшие правовую культуру народов Кавказа в разряд духовной культуры, поддерживаемой индивидуальными и коллективными усилиями представителей кавказских народов, лишенных возможности воплощать ее в эффективно действовавшие раньше публичные институты, не говоря уже о возможностях их развития, которые уже в XIX веке перестали существовать.

Опираясь на данные положения и объективные материальные и духовно-нравственные основания Кавказской цивилизации, выступающий дал объяснение базовой личности Кавказской цивилизации, символом которой являются **труженик-творец, воин-профессионал, мудрость старших**, составляющие обобщенный образ субъекта правовой культуры и Кавказской цивилизации, подчеркнув при этом, что Кавказская цивилизация, правовая культура народов ее создавших, стали возможны как творческий синтез широкого взаимодействия мировых цивилизаций, положенных в основу активной деятельности народов Кавказа, создавших собственную правовую культуру и цивилизацию.

* * *

В работе конференции приняли участие ведущие ученые России, Азербайджана, Армении. Особое внимание было уделено проблемам истоков Кавказской цивилизации и правовой культуры народов Кавказа, анализу процессов их становления как творческому синтезу взаимодействия цивилизаций Востока, Европы, России, осуществленному народами Кавказа в процессе их исторического развития.

Участники мероприятия обсудили особенности развития правовой культуры и Кавказской цивилизации, проблемы цивилизации и варварства с учетом правовых культур на Кавказе, а также состояние научных исследований этих проблем в увязке с современным видением их исторических судеб.

Участники конференции: Т. В. Шатковская, А. Х. Рамазанов, А. М. Цалиев, П. А. Кузьминов, Е. А. Команджаев, Ф. А. Озова

С докладами на конференции выступили:

д.ю.н., проф. **Х. Д. Исмаилов** – «Правовая культура Азербайджана в период формирования и распространения идеологии зороастризма» (г. Баку, Азербайджан);

д.и.н., проф. **А. Х. Рамазанов** – «Правовая культура горских народов как фактор взаимодействия цивилизаций периода вхождения Дагестана в состав Российского государства» (г. Махачкала);

д.и.н., проф. **П. А. Кузьминов** – «Взаимоотношения общественности Кабардино-Балкарии с семьей Романовых в конце 80-х гг. XIX в.» (г. Нальчик);

д.ю.н., проф. **А. М. Цалиев** – «Основы традиционной правовой культуры народов Кавказа» (г. Владикавказ);

д.ю.н., проф. **Л. И. Волова** – «Влияние взаимодействия цивилизаций на сотрудничество государств в сфере международного права» (г. Ростов-на-Дону);

д.ю.н., проф. **Т. В. Шатковская** – «Применение исторического метода в практике российского законодательства первой половины XIX в.» (г. Ростов-на-Дону);

к.ф.н., доц. **Д. А. Леусенко** – «Православие на Балканах: радость объединения и горечь раскола» (г. Ростов-на-Дону);

к.ю.н. **Е. А. Команджаев** – «Влияние традиционных начал на институты публичной власти в калмыцком обществе в XIX – начале XX в.» (г. Элиста);

к.и.н., доц. **Н. А. Трапш** – «Имперский закон и обычное право в повседневной жизни национальной окраины (на примере Абхазии конца XIX- начала XX в.» (г. Ростов-на-Дону);

д.и.н., доц. **Ф. А. Озова** – «Институт аманатства как элемент политической культуры «посольского периода» (г. Черкесск);

к.ю.н., доц. **А. Н. Ларионов** – «Миграционные процессы и изменение территориальных границ Войска Донского в Северо-Восточном Приазовье в XVII – начале XX в.» (г. Ростов-на-Дону);

д.и.н., проф. **В. Д. Дзидзоев** – «Зависимое население коренных народов Северного Кавказа и их правовое положение в XIX веке» (г. Владикавказ);

к.и.н., доц. **О. И. Шафранова** – «Правовое регулирование семейно-брачных отношений на Северном Кавказе во второй половине XIX-начале XX в.в.» (г. Ставрополь);

И. Д. Хабаев – «Вторая советская Конституция ЧИ АССР» (г. Грозный);

З. А. Шибилова – «Особенности правовой культуры Ингушетии» (г. Магас);

д.ю.н., д.п.н., проф. **И. А. Иванников** – «Влияние философии права, на правовую культуру народов Кавказа» (г. Сочи).

* * *

Докт. ист. наук, проф., зав. кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета Горского ГАУ **Дзидзоев В. Д.** выступил с докладом на тему «*Зависимое население коренных народов Северного Кавказа и их правовое положение в XVIII-XIX вв.*», в котором отметил:

Если брать, например, Осетию XVIII в., то необходимо подчеркнуть, что здесь господствовали раннефеодальные отношения, переплетавшиеся с патриархально-родовыми связями. Здесь были, конечно же, привилегированные сословия, которые назывались у осетин-иронцев «алдарами», а у осетин-дигорцев «баделятами»¹. Подчеркну и то, что алдары и баделяты, будучи феодалами, фактически были приравнены к российским дворянам. Социально-экономической структуре осетинского общества «были присущи те же признаки, которые свойственны феодальному обществу: господство натурального хозяйства, наделение непосредственного производителя средствами производства и земель, личная зависимость крестьянина от феодала, рутинное состояние техники»². Население Осетии было крестьянским и, разумеется, находилось в зависимом положении от алдаров и баделятов. Отмечу, что разная степень зависимости от феодалов, т.е. от алдаров – баделятовских семей определяло наличие нескольких социальных категорий внутри подвластного крестьянства Осетии, каждая из которых имела свое название: фарсаглаги («рядом стоящие»), кавдасарды («рожденные в хлеву», отец которого был феодалом – алдаром, а мать из низших сословий осетинского общества). Все это имело место в Тагаурском обществе Осетии, где феодальные отношения были достаточно развиты.

Что касается Дигорского общества Осетии, то и здесь крестьяне делились на несколько категорий: адамихатов («порода людей»), кумаяги («человек из Кумы»; по социальному статусу приравнивался к категории «кавдасардов»), косаги («работники») и уацайраги («рабы»). Осетинские феодалы по-разному относились к крестьянам в зависимости от их социального статуса. Подчеркну и то, что тагаурские фарсаглаги и дигорские адамихаты составляли категорию «свободных крестьян»: юридически за ними признавалось право свободного перехода от одного феодала к другому. В то же время существовали и некоторые ограничения, которые не позволяли «свободному крестьянину» переходить из одного места в другое. Например, по обычаю предков при оставлении места жительства крестьянина-фарсаглага жилище и вся его собственность переходили к феодалу. Кроме того, как подчеркивается в «Истории Северо-Осетинской АССР», выступая как номинальные владельцы земли или ее вечно наследственные арендаторы, «фарсаглаги и адамихаты обязывались платить собственнику земли феодальную ренту в форме натуральных поборов и повинностей, в противном случае феодал имел право прогнать их с земли»³. К этому следует добавить и то, что кавдасарды в Тагаурии и кумаяги в Дигории были детьми феодалов, рожденные от так называемых

¹ Осетинская этнографическая энциклопедия (глав. ред. доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ Л. А. Чибиров). Владикавказ, 2013. С. 98.

² История Северо-Осетинской АССР с древнейших времен до наших дней (в 2-х томах). Том I. Орджоникидзе, 1987. С. 173.

³ Там же.

«номылус» – незаконных жен феодалов и женщин из низших слоев осетинского крестьянства. В этой связи любопытным представляется подчеркнуть, что кавдасардов и кумаягов было достаточно много в Северной Осетии, где на протяжении длительного времени проживали алдары и баделята (в Южной Осетии не было осетинских феодалов, а были только грузинские – Эристовы, Мачабеловы и др).

Исключительно интересным представляется и анализ класса крестьянства и его взаимоотношения с привилегированными сословиями кабардинского общества в XVIII–XIX вв. Кабардинцы, как часть адыгского общества, в мировой истории известны под именем черкесов. В мировой истории под черкесами подразумевают не только кабардинцев, черкесов из КЧР, адыгейцев из РА, но и другие адыгские народы, например, бжедугов, натухайцев, махашевцев, бесленеевцев, жанеевцев, абадзехов и других, которых на сегодняшний день в Турции и некоторых других странах арабского мира численно намного больше, чем в КБР, КЧР и РА.

Необходимо подчеркнуть, что не только феодалы Кабарды, но и крестьяне здесь делились на ряд категорий, которые принципиально отличались друг от друга, например, «правовым и имущественным положением, степенью зависимости от господствующего класса, размерами и содержанием выполняемых в его пользу натуральных и трудовых повинностей»¹. В «Адыгской (Черкесской) энциклопедии» подчеркивается: «Общественная эволюция на протяжении XVI – XVIII вв. не внесла существенных изменений в социальный строй адыгов. Уже к началу этого периода их обычное право детально регламентировало взаимоотношения различных сословий жесткая структурированность сословной иерархии основывалось на разделении военно-управленческих функций, составлявших привилегию феодалов, и производственных обязанностей, выполнявшихся крестьянами»².

Отмечу и то, что основную массу адыгских крестьян составляла преобладающая часть так называемого «свободного сословия» – тфокотлей. Они находились «в зависимости от феодальной знати (князей и первостепенных уорков) и подвергавшиеся эксплуатации своей собственной верхушки»³. Здесь важно обратить особое внимание на слово «тфокотль». Термин указывает на то, что в основе определения этой категории крестьян лежит представление о свободном человеке – мужчине, который ни связан ни с классом, не с другими сословиями. Русский перевод термина – это «свободные люди», «свободный народ», «простолюдин». По крайней мере, известный русский этнограф, исследователь народов Кавказа Ф.И. Леонтович в XIX в. именно так переводил термин «тфокотль»⁴. В сущности, тфокотли не были такими «свободными», какими их представляли многие исследователи XIX в. Можно лишь подтвердить, что в первоначальном понимании термин «тфокотль» обозначал любого свободного мужчину, который принадлежал к какому-то общественному коллективу, например, роду, племени, общине и т.д. Первоначально данный термин охватывал практически всех адыгов. Скорее всего, именно так его понимал и исследователь Т. Лапинский, когда подчеркивал, что «каждый адыг является тфокотлем – свободный, принадлежащий к племени»⁵.

Анализ данной проблемы позволяет сделать вывод о развивавшемся в XVIII–XIX вв. феодализме у адыгских народов, в том числе в Кабарде. В этой связи отмечу еще раз, что тфокотли составляли самую большую часть адыгского населения. В то же время отдельные авторы ошибочно причисляли тфокотлей, то к классу крестьянства, то к классу феодалов. Скорее всего, следует согласиться с компетентным мнением проф. В. К. Гарданова, который писал: «Встречающееся в литературе безоговорочное причисление всех тфокотлей к классу крестьянства или к классу феодалов является в одинаковой мере неверным и не учитывающим своеобразие этой социальной группы, которую нельзя полностью отождествлять ни с одним классом феодального общества»⁶. Можно сделать вывод, что старшинская верхушка

¹Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII–первая половина XIX). М., 1967. С. 195.

² Адыгская (Черкесская) энциклопедия (глав. ред., профессор М.А. Кумахов). М., 2006. С. 130.

³ Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX). М., 1967. С. 196.

⁴ Леонтович Ф.И. Адагы кавказских горцев. Ч. II Одесса. 1883. С.132-135.

⁵ Цит. по: Гарданов В.К. Указ. соч. С. 107.

⁶ Цит. по: Гарданов В.К. Указ. соч. С. 197.

тфокотлей представляла значительную силу, которую периодически старались привлечь на свою сторону, особенно при острых разногласиях не только первостепенные уорки, но даже князья.

Согласно нормам обычного права, лично свободное население у балкарцев обязано было повинностями в пользу лиц высшего социального сословия. В Балкарии высшее социальное сословие называлось «таубий», что в дореволюционной исторической литературе понимали, как горский князь. Подвластные крестьяне в Балкарии «должны были повсюду следовать за своими старшинами, исполнять беспрекословно их волю и оказывать материальную поддержку»¹. Данное положение подчеркивалось не только в адатах, но и в официальных государственных документах дореволюционной России. Так, достаточно четко были прописаны те услуги, которые обязаны были выполнять в пользу таубиев зависимые от них люди. В документах того периода подчеркивалось: «Подать, платимая каракиши таубиям (феодалам. – В.Дз.), заключалась в следующем: 1) в даче таубию одного быка из полученного калыма; 2) в обязательной, на своих харчах, однодневной работе во время пахоты, покоса и жатвы; 3) в уплате податей известных под названием уча (уча – часть убитого зверя на охоте. – В.Дз.); 4) в уплате податей известных под именем башбайлаган и дзига (подати дочери таубия, приехавшей погостить к своим родителям через один-два года после свадьбы). Данное правовое положение заключалось в том, что перед отъездом дочери таубия к мужу каждая семья каракиши обязана была давать со своего двора по одной корове. По требованию таубия каракиши по обычному праву балкаро-карачаевского народа обязан был сопутствовать своему владельцу в походах и поездках. Кроме того, каракиши обязан был давать на один день верховую лошадь. А в военное время все каракиши обязаны были поголовно выйти под ружье². Здесь важно обратить внимание на так называемую эмчекскую подать, которая у народов Северного Кавказа рассматривалась не как подать, а как дружественная услуга, оказываемая друг другу названными братьями.

* * *

Зав. каф. теории и истории государства и права Сочинского института (филиала) РУДН, к.ю.н., доц. **Камкия Ф.Г.** представила доклад на тему: **«Государственные символы Республики Абхазия как доминанты правовой культуры».**

Предваряя свое выступление, она отметила, что тема XI Международной научной конференции – «Правовая культура народов Кавказа как творческий синтез взаимодействия цивилизаций», за приглашение на которую хочется выразить искреннюю благодарность организаторам, послужила поводом для моего доклада. Также за идею следует особо поблагодарить зав.кафедрой теории права и сравнительного правоведения МГИМО А. А. Малиновского, который во время выступления на конференции в Сочинском институте РУДН весной текущего года рекомендовал нашим магистрантам, обучающимся по программе «Теория и история права и государства, сравнительно-правовые исследования», начинать изучение любой правовой системы именно с государственных символов.

Смысл, очевидно, в том, о чем сообщает нам прогностический аспект геральдики: «Сначала мы создаем герб, а потом герб создает нас»³. Бесспорно, что официальные символы государства являются носителями, одновременно отражением духовности социума. Иными словами, те духовные скрепы, которые позволяют быть одним целым, разделять, понимать, служить и т.д. Следует также согласиться с мнением, что духовность общества в ее содержательной основе есть результат, длительно накапливаемый и кристаллизуемый в сложнейших обстоятельствах самого различного характера. При этом в каждый исторический момент она выступает в качестве «некой заданной предрасположенности, определенной системы интеллектуальных установок общественного сознания». Поэтому

¹ Петров Г. Верховья Кубани – Карачай // Памятная книжка Кубанской области за 1880 г. Екатеринодар, 1880, с. 132

² Государственный архив Краснодарского края (в дальнейшем ГАКК). Ф.774. Оп.1.Д.8.Л. 21-22

³ Загоруйко М.В., Алиев О.Г. Сначала мы создаем герб, а потом герб создает нас (прогностический аспект геральдики) // Государственный советник. 2014. №3. (7). С. 61-71. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22161132> (дата обращения 31.05.2022)

чтобы понять существо права, свойственного для определенного общества, необходимо начинать с определения доминант духовности, присущими конкретному народу, иными словами – духовных констант его культуры. Доминанты духовности народа, являясь существенными во всех элементах культуры, сообщают специфику всему ее содержанию. С одной стороны, они есть самое глубинное в общественной жизни людей, и, с другой стороны, то, что как бы «лежит на поверхности», что встречается повсеместно и привычно (Малахов В.П.).

Если мы понимаем, каковы доминанты духовности народа, конкретной культуры, тогда становится понятным и то, какие идеи господствуют и выполняют системообразующую роль в реальном общественном правосознании.

Также, очевидно, что духовная культура любого общества в процессе жизнедеятельности вступает в сложное взаимодействие с культурами соседствующих в пространстве и времени обществ, и в этом смысле, безусловно, предстает одновременно как результат длительного взаимовлияния культур.

На наш взгляд, доминанты духовной культуры того или иного общества с необходимостью получают отражение в официальных символах современного государства: Флаге, Гербе, Гимне, столице.

Примечательны в этом контексте официальные символы Республики Абхазия.

После окончания Отечественной войны 1992–1993 гг. был принят Закон «О новой государственной символике Республики Абхазия», которым были утверждены новые государственные Герб и Флаг.

Современный флаг Республики Абхазии (*Аҧсны Аҳәынҭқарра абырақ*), принятый Парламентом в Сухуме 23 июля 1992 года, символизирует основные этапы развития государственности абхазского народа, представляет собой трехцветное прямоугольное полотнище, с соотношением сторон 2:1. По длине Флага расположены семь чередующихся равных по ширине полос зеленого и белого цветов, из них – четыре зеленых и три белых. В верхнем углу у древка расположен пурпурный прямоугольник размером 0,38 длины флага и шириной в три полосы, в центре которого изображена открытая белая ладонь правой руки. Над ладонью полукругом расположены семь белых пятиконечных звезд. Чередование зеленых и белых полос – есть отражение терпимого отношения к разным цивилизациям, на пересечении которых расположена была Абхазия исторически. В данном случае – христианство и ислам мирно сосуществуют в Абхазии, где христианство – белый цвет, а ислам – зеленый цвет. Иногда зеленый цвет интерпретируется как символ, отражающий цвет зелени – цвет жизни, присущий круглогодично Абхазии. Что касается раскрытой белой ладони на красном фоне, то это изображение, которое развивалось над городом Себастополем – предшественником современного города Сухум, столицы Республики Абхазия. Белая ладонь – также символизирует, на наш взгляд, преемственность в культуре и традициях современной абхазской государственности: открытость и гостеприимство. А семь белых пятиконечных звезд соответствуют семи районам Республики Абхазия: Гагрский район (г. Гагра, г. Пицунда); Гудаутский район (Гудаута, Новый Афон); Сухумский район (Сухум); Гулрыпшский район (Гулрыпш); Очамчирский район (Очамчира); Ткуарчалский район (Ткуарчал); Галский район (Гали).

Отметим, что раскрытая белая ладонь на красном фоне – символ Абхазской государственности, которая оформилась во времена Абхазского царства (VIII - X вв.) и насчитывает 12 столетий. Такое изображение зафиксировано на генуэзских портоланах (морских картах) XIII–XIV вв. Пурпурный флаг с белой ладонью развевался в середине века над городом Себастополем (он же Сан-Себастьян и античная Диоскурия, основанная древними греками в VI–V вв. до н. э.), на месте которого расположена нынешняя столица Абхазии-город Сухум (Акуа). Семь пятиконечных звезд над ладонью – это семь основных областей исторической Абхазии: Садзен (Джигетия), Бзып, Гумаа, Абжуа, Самурзакан, Дал-Цабал, Псхуы-Аибга.

Герб Республики Абхазия является официальным символом государственности, и он представляет собой щит, по вертикали разделенный на две равные части – одна белого цвета, а вторая – зеленого. В центре щита изображена фигура всадника, летящего на волшебном

коне и посылающего стрелу к звездам. В нижней части Герба расположена восьмиконечная золотая звезда, а в верхней его части, на белом и зеленом фоне, симметрично расположены еще восьмиконечные звезды, только меньшего размера. Окантовка щита и всадник также выполнены золотым цветом.

Примечательно, что сюжет Герба связан с героическим нартским эпосом абхазов. Он выражает отношения власти и подчинения. Легитимная власть в абхазской ценностной системе слагается из идеи признания власти того, кто смог достигнуть совершенства с позиций стремления к достижению социально значимых целей и задач. Представленные таким образом отношения власти и подчинения предстают лишенными привычного противоречия. Оно снимается благодаря высокой легитимности тех, кто повелевает независимо от занимаемой ступени в социальной и политической иерархии. На наш взгляд, именно эта абхазская традиция легитимации власти закреплена в Государственном Гербе Республики Абхазия. Образ нарта Сасрыкуа и есть образ человека, достигшего наивысшего совершенства – высокой концентрации воли, мужества, верности своему народу, возвышенных помыслов. Чем выше проявление индивидуальных качеств, требуемых эпохой, временем, тем ближе он к достижению общего блага. Образ Сасрыкуа – конкретное воплощение идеального образа героя, лежащего в архетипе кавказской цивилизации. Гарантом того, что повелитель всегда будет таковым, выступают отношения, выстроенные на основании внутриполитического кода – Герба Республики Абхазия, именно таким образом социализирующего отношения повелителя и повинуемого. Зеленый цвет герба символизирует молодость и жизнь, белый – духовность. Большая восьмиконечная звезда – солярный знак возрождения. Малые звезды символизируют единение двух культурных миров – Востока и Запада.

С провозглашением независимости Абхазии в 1992 был утверждён и Государственный гимн, в основу которого был положен изначальный мотив и слова абхазской революционно-освободительной песни «Къараз» (1918г.). Современный национальный гимн Республики Абхазия носит название «Аиаа́ира» («Победа»).

Таким образом, формы государственных символов могут быть, как унаследованы, так изобретены, но самое главное – они должны быть доступны пониманию большинства и приниматься этим большинством в качестве официальных символов, в качестве «своих».

* * *

Доц. кафедры теории и истории государства и права Сочинского института (филиала) Российского университета дружбы народов **И. З. Суханова** представила доклад на тему: «**Трансформация соционормативной культуры адыгов в условиях административно-правовых преобразований II половины XIX века**». В своем выступлении она отметила следующие моменты:

Известно, что соционормативная культура общества – это саморегулирующаяся система, включающая социальные, правовые и моральные нормы, охватывающие социальную организацию и институты общества. Важной функцией данной системы выступает координация деятельности различных социальных институтов и нормативных механизмов регуляции общества.

Система соционормативной культуры адыгов складывалась на протяжении длительного времени, под влиянием внутренних и внешних факторов, были выработаны особые культурные коды этноса. Специфику традиционной культуры адыгов образовывали определенные черты, которые сформировались в условиях традиционного общества. Особо можно выделить воинский стиль жизни, нашедший свое отражение в материальной культуре через пищу, одежду, оружие, а в духовной сфере он проявился в мифологии, эпосе, пословицах, притчах, песнях.

В хозяйственном отношении жизнь адыгов была подчинена в рассматриваемый период традиции. Так, в частности, были распространены обычаи совместных сельскохозяйственных работ, аренды земли для запашки и выгона скота. Были обычаи взаимопомощи в организации свадеб, похорон, распространена была помощь нуждающимся членам общины.

Необходимо отметить, что систематизация соционормативных регуляторов у адыгов проявилась в морально-этическом кодексе адыгов, который прямо предписывал допустимые

образцы поступков и возможные модели поведения адыгагъэ (адыгство). Главным функционалом «Адыгства», как соционормативного регулятора выступало сохранение моральных и нравственных ориентиров в обществе. В свою очередь, «Адыгэ хабзэ» – это волевые качества, установки человека, без которых нравственные правила не могли перерасти в акт поведения. Таким образом, адыгство можно понимать как человечность в сочетании с нравственными ценностями и правилами этикета, нарушение которых дискредитирует человека.

«Адыгэ хабзэ» не только регулировал поведение каждого человека, но и проникал в систему общественных институтов. Такие важнейшие элементы адыгского этикета, как культ старшинства, куначество, общественный институт гостеприимства так же регулировались «Адыгэ хабзэ».

Активная административно-правовая политика России во II половине XIX в. оказала значительное влияние на изменение роли соционормативных регуляторов в адыгском обществе. Царская администрация для более эффективного обеспечения властно-управленческой деятельности привлекала местную элиту общества из представителей наиболее авторитетных лиц, старшин аулов и военных, настроенных на сотрудничество с Россией.

За сохранением общего порядка стал следить аульный старшина, отвечающий за точность исполнения распоряжений российской администрации, принимал меры к предупреждению всякого рода преступлений и проступков, отыскивал и задерживал виновных, представляя их для дальнейшего разбирательства начальнику уезда. Кроме того, аульный сход выбирал судей аульного суда. Аульный суд разбирал дела по незначительным проступкам между жителями аула. Подвергались разбирательству вопросы, входящие в систему традиционной морали, в том числе оскорбление словами, ссоры, драки, пьянство, прелюбодеяния и принесение ущерба общественной земле. Свои доказательства аульный суд передавал в горский словесный суд, для вынесения наказания по шариату. Однако компетенция шариатского суда была ограничена религиозными, семейными и наследственными делами. В остальных вопросах использовался адат, применение которого контролировалось российской властью. Временные правила давали четкую регламентацию, какие дела разбирались по адату, какие по шариату, в каких случаях российское законодательство. Нормы российского законодательства применялись при совершении преступлений против порядка управления.

Влияние российского законодательства на обычаи местных жителей приводило к адаптации адатов к российскому законодательству. Однако в пореформенное время выполнение адатных норм уже не являлось обязательным для всех адыгов. По отношению к тем, кто категорически отказывался следовать адату, никакие репрессивные меры не применялись. Население обращалось к нормам обычного права добровольно или под давлением представителей своего рода.

Вхождение Северо-Западного Кавказа в российскую правовую систему сопровождалось кардинальными изменениями в социально-экономической, духовной сферах жизни адыгского этноса. Однако обычное право не могло в полной мере решать правовые коллизии, возникшие из иных, более сложных экономических отношений. С одной стороны, это были столкновения в России, в которой начался промышленный переворот, с другой стороны, это процесс размывания традиционных ценностей кавказских народов, с жестко традиционным укладом. Россия, а, соответственно, и Северный Кавказ, представляют собой сложное сочетание двух типов культур – унифицировано-индустриальной и этнически-самобытной, традиционно-ориентированной. Идеальной моделью в данном случае должно служить гармоничное сочетание элементов модернизации и этнически обусловленных стереотипов поведения, уклада жизни, обычаев, национальных особенностей мироощущения.

К началу XX вв. при помощи Российского государства стала формироваться горская интеллигенция. Таким образом, рассматриваемый период характеризуется тем, что соционормативные регуляторы адыгского общества претерпевали существенную трансформацию: это проявилось в праве, морали, этических нормах, религиозных представлениях. Создавалась новая русско-кавказская культура.

* * *